

Раф Гази

Чингиз-хан.02. Искупление

Раф Гази

Чингиз-хан.02. Искупление

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73174487

SelfPub; 2026

Аннотация

Весь мир сегодня болен «чингизизмом», и эта болезнь заразна, она, как раковая опухоль, охватывает своими разрастающимися метастазами все человечество. Но мир не правильно понял Чингиз-хана. Он не взял от него то, что нужно было брать, а взял то, что брать было не нужно. И потому мир катится к своему краху. Как остановить это безумие? Как предотвратить мир от сползания в тотальную ложь, безмерную жестокость и безумное насилие?

Нужно заново переписать историю.

«Чингиз-хан.02. Искупление» – первая книга трилогии Рафа Гази (Рафаэля Миргазизова) о великом Потрясателе Вселенной (вторая книга – «Потомок Чингиз-хана», третья книга – «Аркан Кун. Возвращение Чингиз-хана»). В первой части в художественной форме на основе различных исторических источников рассказывается об основных вехах биографии всемирно известного полководца и правителя Евразийской империи Чингиз-хана.

Содержание

Пролог	4
Часть I	7
Глава 1. Рожденный от света	7
Глава 2. Сгусток крови	11
Глава 3. Анда Джамуха	17
Глава 4. Путь к унгиратам	22
Глава 5. Бортэ – Синь Неба	25
Глава 6. Отравление Есукая Багатура	29
Глава 7. Могол и Татар – кровные братья	31
Глава 8. Кто убил Бектара?	39
Глава 9. Бегство	46
Глава 10. В плену с колодкой на шее	49
Глава 11. Мечты под овечьей шерстью	54
Глава 12. Аркан Кун	58
Часть II	64
Глава 13. Свадьба	64
Глава 14. Месть меркитов	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Раф Гази

Чингиз-хан.02. Искупление

Пролог

Меня зовут Кыят, я прямой потомок Чингиз-хана в 32 колене, я родился ровно 800 лет спустя после его появления на этом свете.

О моем знаменитом предке придумана целая тьма всяких вымыслов и легенд, как хороших, так и плохих, в его адрес выпущено туча ядовитых стрел-проклятий и пролито бочки медового елея. К Чингиз-хану относятся по-разному: кто-то считает его великим воином и правителем, кто-то – тираном и душегубом, ставя в один ряд с Юлием Цезарем и Томасом Торквемадой, Иваном Грозным и Тамерланом, Гитлером и Пол Потом, Сталиным и Мао Цзэдуном...

Кто же из них прав, а кто пребывает в заблуждении? Это трудный вопрос. Я тоже не знаю на него ответа.

Но я знаю, что весь мир сегодня болен «чингизизмом», и эта болезнь заразна, она, как раковая опухоль, охватывает своими разрастающимися метастазами все человечество.

Но...

Но! Мир не правильно понял Чингиз-хана. Он не взял от него то, что нужно было брать, а взял то, что брать было не

нужно. И потому мир катится к своему краху.

Как остановить это безумие? Как предотвратить мир от сползания в тотальную ложь, безмерную жестокость и безумное насилие?

Мне кажется, я знаю – как. Нужно заново переписать историю. Историю жизни и войн моего знаменитого предка Чингиз-хана.

Я Кыят, его прямой потомок в 32 колене, депортируюсь в далекое прошлое и, находясь незримо рядом с ним, буду с самого рождения наблюдать за всеми мыслями, поступками и действиями Тимерчина – так звали Чингиз-хана до воцарения на престол Великого Хана. Я думаю, что имею на это право. Мы привыкли обожествлять наших предков, а они ждут от нас не обожествления, а справедливой оценки.

Нет, я не собираюсь менять сущность моего предка Чингиз-хана, да это и невозможно. Не собираюсь ни хвалить, ни ругать его. Просто я буду за ним пристально наблюдать и тем или иным образом незаметно предупреждать об опасностях, которые его подстерегают и сигналить о красных флажках, которые нельзя преступать ни под каким предлогом.

А перед самой кончиной Великого хана я попрошу Тимерчина рассказать о своем жизненном пути, и запишу его рассказ от первого лица и передам людям.

Возможно, если мой эксперимент удастся, то человечество вздохнет с облегчением и начнет строить новую, более комфортную жизнь на нашей чудесной планете Земля.

Да поможет нам Вечный Дух Синего Неба Тангры!

Часть I

Глава 1. Рожденный от света

Аланг проснулась на рассвете. Ее разбудил солнечный лучик, упавший на ее красивое лицо через дымник – верхнее отверстие ханской юрты. Луч, увеличиваясь в размерах, проник внутрь шатра и опустился на ложе сонной красавицы Аланг. И это был уже не солнечный поток, а привлекательный мужчина с карими глазами, белым лицом и рыжеватыми волосами.

Молодая вдова хана попыталась встать с постели, но ноги ее не слушались. Она хотела окликнуть прислужницу, которая ночевала вместе с ней в юрте, но не смогла вымолвить ни слова. Солнечный посланник прилег рядом с красавицей Аланг, нежно обнял и вошел в ее лоно.

Целый день Аланг ходила сама не своя, вновь и вновь переживая свои утренние ощущения. Не найдя им разумного объяснения, она решила, что все это ей привиделось во сне и на том успокоилась.

Однако через несколько дней «солнечный гость» вновь явился к ней в юрту. И опять на рассвете. И снова его карие глаза излучали солнечный свет. И все повторилось заново.

Сомнения развеялись. Это был не сон, а явь.

Муж Аланг Баян-хан ушел из жизни рано. Ему не было и 30, когда Дух Синего Неба Тангры забрал его душу к себе, оставив на попечение жены умершего хана двух сыновей – Бильге шести и Беке семи лет.

К знатной вдове сваталось много достойных мужей из числа родственников Баян-хана, в том числе младшие братья его деда Юлдуз-хана.

Но красавица всем отказывала.

– Я сохраню верность своему мужу и буду править его юртом сама, пока не подрастут мои сыновья.

И вот спустя несколько лет ее одинокого вдовства стали происходить эти загадочные вещи. Через пять-шесть месяцев, когда Аланг уже не могла скрывать свою беременность, многочисленная родня набросилась на нее с вопросами:

– Как такое могло случиться? Ты же говорила, что больше никогда не выйдешь замуж! Скажи нам, кто твой муж?

– Нет у меня мужа.

– Как же такое может быть?

– Может, – решительно ответила Аланг и рассказала все, что с ней приключилось.

Видя недоверие в глазах у слушателей, она добавила:

– Неужели вы думаете, что если бы это произошло по моей женской слабости, я не вышла бы за этого мужчину замуж? Я ведь управляю своим народом от имени мужа, разве можно мне перед ним так опозориться! И как бы я смотрела в глаза свои сыновьям?

– Но то, о чем ты нам поведала, госпожа Аланг, больше похоже на сказку.

– Не верите? Тогда давайте поступим так. У моей юрты поставим круглосуточную охрану. И если Дух Неба Всемогущий Тангры не захочет моего позора, он вновь пошлет ко мне дух света, отца моего будущего ребенка. И если у меня родится от него сын, то он станет нашим ханом и будет обладать необыкновенными качествами, не присущими простому человеку.

Люди расходились от своей госпожи с двойственными чувствами. Подданные ханши знали, что Аланг говорит всегда правду, но то, что они от нее слышали, не укладывалось в их головах.

К шатру приставили охрану.

И как-то на заре один из охранников действительно увидел, как в ханскую юрту через дымник опускается светлое вытянутое облачко, похожее на солнечный луч. Караульный разбудил своих сменщиков, чтобы они тоже могли увидеть, как этот солнечный образ уже выходит из шатра и устремляется в Вечное Синее Небо.

И тогда уже никто не сомневался в правдивости рассказа Аланг, все поверили ей безоговорочно.

Третий сын Аланг по имени Будан, достигнув совершеннолетия, стал храбрым и справедливым ханом. И все последующее от него потомство стали называть «Нурдан» – «Рожденный от света».

Я, сын Есукая Багатура, получивший при рождении имя Тимерчин и названный Чингиз-ханом после избрания повелителем Степи, тоже происхожу от этого солнечного «золотого семени».

Глава 2. Сгусток крови

Первенец в семье Есукая Багатура и Айлун Хатун родился в год Желтого Тигра (1158 год) в местечке Бикун Ялдук Могульского юрта.

Когда повивальная бабка достала плод из чрева матери и разрешила пуповину, то все увидели, что новорожденный зажимает в кулачке сгусток спекшейся крови.

– Сей младенец станет великим правителем, по воле духа Вечного Неба Тангры завоюет полмира и прольет много крови, – изрек присутствующий при родах кам-священник.

Этим младенцем был я, Тимерчин, ставший впоследствии Великим Ханом Чингизом.

Пророчество кама сбылось, но он не сказал, для чего Вечное Небо возложило на меня такую страшную миссию. Если Тангры будет угодно, я расскажу об этом, а кто-нибудь из моих битекчи (писцов) запишет мои слова в книгу.

Начну с того, почему я был назван при рождении татарским именем Тимерчин, что означает «сделанный из железа». Это целая любовная история, приключившаяся с моими родителями.

Мой отец Есукай Багатур (Багатур – значит «храбрый воин») был вождем довольно большого племени кыят. Ему подчинялись и платили дань около 30-40 тысяч семей. Но он долго не женился, что совсем не пристало его высокому

статусу. Поэтому мой абуген – дед Бюртан постоянно выговаривал своему сыну:

– Ну когда же ты наконец, как всякий разумный вождь Степи, обзаведешься собственной женой!

Есукая Багатура почти насильно женили на некой женщине по имени Сочихел, от которой он прижил двух сыновей Бектара и Бельгутея. Но Есукай тогда мало уделял внимания своей семье и по-прежнему вел вольный холостяцкий образ жизни.

Однажды охотясь на птиц за горой Бурхан, мой отец увидел, как по ковыльной степи вдоль реки Онон движется крытая повозка, а рядом с ней всадник на низкорослой татарской лошади гнедой масти.

Есукай нагнал их и, поздоровавшись, как положено по законам Степи, спросил:

– Как тебя зовут, какого ты рода?

– Меня зовут Чиледу, я меркит. А тебя я знаю, ты Есукай – вождь кыятов, – последовал ответ.

– Откуда едешь?

– Со свадьбы.

– Уж не невеста ли прячется там у тебя? – ткнул камчей охотник в чаршау – занавеску разукрашенной разноцветными лентами повозки.

– Точно она, моя красавица Айлун. Свадьба состоялась в стойбище ее отца, сейчас мы возвращаемся домой. Теперь будем продолжать свадьбу в своем кочевье.

– А она какого рода?

– Она из рода олхонут татарского племени унгират, – гордо заявил жених.

– Да ну! – удивился Есукай. – Мы тоже выбираем себе жен из этого племени. Унгиратки-татарки на самом деле очень красивы. Разреши взглянуть на нее одним глазком.

Чиледу был явно навеселе – тесть не поскупился на молочную водку, жениху захотелось похвастаться перед вождем соседнего племени своей красивой невестой, и он милостиво отдернул занавеску.

Увидев татарскую красотку, Есукай обомлел, их глаза встретились, между ними пробежала невидимая искра. Жених, встревоженный затянувшимися смотринами, нервно захлопнул шелковую китайскую шторку в окне кабинки.

– Это моя жена, а не твоя! – нервно вскрикнул меркит.

«Мы еще посмотрим, чья», сказал сам себе неслышным шепотом вождь кыятов и, прищпорив коня, помчался искать двух своих младших братьев, выехавших вместе с ним на охоту.

Невеста была смышленной, она сразу поняла, в чем дело.

– Скоро он вернется, и не один. Тебе лучше бежать, Чиледу! Все равно ты с ними не справишься, а в живых они тебя не оставят.

– А как же ты?

– Я женщина, к тому же из ханского рода, меня они не тронут. А ты найдешь себе другую жену. Тем более наш брак

не обрел еще законную силу.

Не состоявшийся муж долго уговаривать себя не заставил. Огибая холм Бурхан, он ускакал прочь от грозившей ему опасности.

Так Есукай Багатур умыкнул у меркитов невесту, а те затали на него кровную обиду. Именно она, моя мама Айлун в нашей семье стала главной женой, хотя первой была Сочихел.

Спустя ровно 9 месяцев после этой истории вспыхнула застарелая вражда между татарами и могулами, началась очередная война. Победа в этих бессмысленных братоубийственных стычках, развязанных когда-то очень давно безрассудным ханом Байду, улыбалась поочередно то одной, то другой стороне. Военная фортуна на этот раз повернулась лицом к кыятам.

Есукай Багатур совместно с караитами захватил в плен вождя татарского рода уги по имени Тимерчин. Это был славный воин! Даже оставшись один на боле брани, он еще долго отбивался своим знаменитым татарским мечом от нападавших со всех сторон вооруженных пиками и мечами всадников. Есукай, подкравшись на лошади сзади, ловко набросил аркан и охватил им могучею шею Тимерчина. Тот хрипел, сопротивлялся, но все же был сброшен со своего брыкавшегося коня на землю. Пленника тут же связали и повезли в кочевье Есукая.

Из большой юрты вождя выбежала служанка с криком:

– У Есукая Багатура сын родился!

А вечером того же дня в ярком отблеске победных костров казнили Уги-Тимерчина. Как и подобает сыну Степи, он встретил свою смерть достойно, спокойно и презрительно взирая на казнивших его палачей. В честь этого великого воина и воцарившегося перемирия между могулами и татарами Есукай нарек своего первенца от жены Айлун Тимерчином.

Это никого не удивило, и я с гордостью носил свое имя. Но меня в детстве начали дразнить «меркитом», намекая на то, что моим отцом был не Есукай Багатур, а меркит Чиледу. Это была ложь, подхваченная потом китайскими летописцами.

Во-первых, по Закону степи, жених не имел права дотрагиваться до невесты во время свадьбы в кочевье тестя, это можно было сделать лишь после приезда в свое стойбище в собственной юрте. А до нее, как известно, Чиледу Айлун не довез.

Во-вторых, все меркиты низкорослые, с плоскими широкими лицами и узкими черными глазами. А я уже в детстве отличался высоким ростом, был белолицым, кареглазым и с рыжеватыми волосами. Все мои младшие братья были такими же. Эти фамильные родовые черты нашей легендарной праматери Аланг, как рассказывал мне мой дед Бюртан, сохранялись во всем последующем потомстве. Поэтому наш род называли «нурдан» – «рожденный от света», от «золото-

го семени».

Еще одна отличительная примета: в моих глазах между белками и зрачками виднелась желтовато-красная полоска. Тех кыятов, у которых была такая полоска, прозвали «бурджигинами».

И полное название нашего рода звучит так: нурдан бурджигин-кыят.

Глава 3. Анда Джамуха

Сейчас я уже и не вспомню, когда мы побратались с Джамухой, до моего сватовства к Бортэ или после.

Обряд побратимства, как и некоторые другие, перешел к нам от текю, так называли раньше тюркские племена. У тюрков всегда были большие и сильные государства, и мы входили в них отдельным самостоятельным улусом. У нас с ними много чего общего, гораздо больше, чем с китайцами – и вера, и обычаи, и даже языки очень похожи.

Этот обряд называется «анд ичмек» – «питие анда». Анд – это «напиток дружбы», он готовится из крови названных братьев, которая перемешивается с какой-нибудь жидкостью – кобыльем молоком, кумысом, водой.

Надрезав себе запястья и смешав нашу кровь с водой из родника в глиняной чашке, мы с Джамухой выпили «напиток дружбы» под огромным раскидистым дубом. Так мы стали андами – побратимами. Хотя мы и так были с ним дальними родственниками, он тоже происходил от легендарного хана Бертечен из аймака кыят, который когда-то очень-очень давно вывел прятавшихся от татар в горах Аркан Кун могулов в долину. Только ветка Джамухы велась от пасынка Бертечена, и он не мог претендовать на ханский престол.

Обряд дружбы накладывает большую ответственность на тех, кто его принял. Эти узы иногда крепче родственников.

Анды становятся одной душой, жертвующей ради друга самым дорогим, что у тебя есть, они готовы всегда прийти на помощь, особенно во время смертельной опасности.

После испития кровавого коктейля полагается дарить подарки. Джамуха подарил мне раскрашенный альчик – красивую баранью косточку. А я подарил ему «сочку» – это тоже альчик, но потяжелей и увесистей, им выбивают из кона другие кости.

«Сочка» была с секретом, – просверлив в ней небольшое отверстие, я залил его расплавленным свинцом и заделал дырку овечью шерстью. Альчик стал в несколько раз тяжелее и его было очень удобно метать.

– Сыграем? – загорелись озорным блеском глаза моего анды.

Джамуха был заводным парнем, он ни минуты не мог сидеть спокойно на одном месте. Альчики – любимая игра детворы, и Джамуха слыл в ней большим мастаком. Видимо, он хотел продемонстрировать мне свое мастерство с помощью подаренной ему «сочки», которую он нетерпеливо крутил своими узкими длинными пальцами. Я не очень хорошо обращался с альчиками, меня больше тянуло к лошадям и луку со стрелами. Еще я любил борьбу кураш.

Но как откажешь анде!

– Давай, – согласился я.

Джамуха живо соскочил на ноги и, отмерив от дуба по вытопанной тропинке 8-10 шагов, очертил палкой большой

круг. В центре круга он установил 6 своих альчиков, мне тоже нужно было выставить на кон такое же количество бараньих косточек, их еще называли «мослами». Посередине этого ряда один из альчиков-мослов ставился на попа – это был «шах».

Мы с андой встали у дуба. Игра началась. Право первого хода досталось мне. Я прицелился и метнул «сочку» в выстроившиеся в одну линию альчики. Удар получился удачным – я выбил из круга сразу два крайних мосла.

Но долго радоваться мне не пришлось. Следующим метким ударом Джамуха попал прямо в центральный, поставленный на попа альчик – в «шаха» и забрал весь кон.

Я был раздосадован таким быстрым окончанием игры, но виду не подавал.

– Хорошо, твоя взяла, – небрежно бросил я и предложил. – А давай из лука стрелять.

– А-а, из лука, – сказал Джамуха и достал из кожаного колчана, который был повешен на ветку дуба, самодельную детскую стрелу.

– Это свистящая стрела йери, – похвастался мой анда, – я ее сам смастерил из рогов двухлетнего бычка. Это еще один подарок тебе.

Я поблагодарил и совершил ответный дар – редкую стрелу годоли из кипариса. Она тоже устрашающе свистела при полете. Ни у кого из ребят такой не было, она мне досталась от отца. Но пострелять из лука нам в тот день не пришлось.

Джамуха отказался.

– Ну, хорошо, – сказал я. – Тогда айда поборимся.

– Айда! – тут же согласился Джамуха. – С подножками или без?

– Давай без ног, только руками. Боремся до двух побед.

По сколько же нам было тогда годочков? Мне, наверное, 9. А мой анда на год-два меня постарше. Хотя мы были с ним одного роста, Джамуха выглядел коренастей. Он понадеялся на силу своих рук, однако явно недоценил мои способности.

Ухватив соперника за пояс, я прогибом бросил его через себя. Один-ноль в мою пользу. Джамуха нахмурился. Он упер свои мощные руки мне в плечи, дабы я не смог повторить свой коварный прием. Мы топтались, раскачивая друг друга в разные стороны, стараясь лишить равновесия соперника и провести победный бросок. Вдруг он неожиданно сделал подсечку и свалил меня на утоптанную траву.

– Один-один! – радостно объявил Джамуха.

– Но так нечестно! – со злостью ответил я. – Мы договаривались бороться без подножек.

– Мы говорили о задней подножке, а я сделал боковую подсечку, – оправдывался Джамуха.

Я не стал спорить. Мы приступили к третьей схватке. Я внимательно следил за ногами анды, незаметно правой рукой подбираясь к его шее. Улучив удобный момент, я захватил ее в кольцо и совершил резкий бросок через бедро. Джамуха никак этого не ожидал. В моем арсенале было много

приемов – учителем у меня был ни кто не будь, а сам Есукай Багатур, мой отец.

Я победил со счетом два-один.

Джамуха поздравил меня, но, как мне показалось, затаил в душе обиду. Мой анда был очень самолюбив, и, не желая ни в чем никому уступить, хотел всегда быть первым.

Это никак поначалу не проявлялось на нашей дружбе. Она была прочной и нерушимой. И я думал, что так будет всегда.

Но как же я ошибался!

Глава 4. Путь к унгиратам

В одну из весен года Дунгыз – Свиньи, когда гора Бурхан начала покрываться молодой зеленью, мой отец Есукай Багатур задумал сосватать мне невесту из татарского племени унгират.

– Не рано ли нашему Тимерчину жениться? Ему ведь только еще девять лет, – заволновалась моя мама Айлун Хатун.

Волновалась она лишь ради приличия, она никогда не перечила мужу. И жили они всегда мирно и дружно, несмотря на то, что отец силой забрал ее у меркитов. Похоже, они были даже счастливы друг с другом, хотя у моего отца была и другая жена.

– Ты же знаешь, Айлун, что это будет лишь помолвка, а настоящая свадьба состоится через 5-6 лет, когда наши дети подрастут. К тому же сейчас в Степи мирная передышка, путь к унгиратам опасен и долог, нужно воспользоваться моментом.

– Да поможет вам Тангры, будьте осторожны. И не забудьте навестить моих братьев, может, там вы и найдете подходящую невесту, – советовала мать, собирая нас в дорогу.

Путь к унгиратам, обитавшим на реке Керулен, лежал через стойбища меркитов и татар, которые часто объединялись, чтобы объявить нам войну. Двигаясь вдоль реки Онон,

мы благополучно миновали меркитов и через несколько ночёвок достигли кочевья татар. Есукай Багатур решил переночевать, спрятавшись в ущелье невысоких гор.

Весело трещал ночной костер, освещая своими искорками наши лица и усталых лошадей гнедых и бурых мастей, пощипывавших молодую сочную травку под стрекот неугомонных пташек. В черном небе тихо и мирно мигали звезды, словно охраняя и успокаивая нас после трудного дневного перехода по бескрайней Степи. Перед отходом ко сну отец рассказывал мне всякие истории из своей бурной походной жизни.

– Когда ты еще не появился на свет, – говорил он чуть приглушенным голосом, помешивая острием пики догоравшие угольки в костре, – все могулы находились под властью и защитой Амбагай-хана. Однажды хан отправился лично сопровождать свою дочь, которую отдавал в замужество к татарам племени айриуд, что живут на реке Уршун между озерами Буюр и Колен. Но его схватили татары соседнего племени и повезли к Алтан-хакану – императору Китая. Амбагай-хану удалось через верного человека передать весточку своим сыновьям: «Меня предали подлые татары! Мстите и неустанно воздавайте им за меня пока не только с пяти пальцев ногти потеряете, но и пока всех десяти пальцев не станет». Татары и раньше были нашими злейшими врагами, но после этого случая наша ненависть к ним удесятирилась, – гневно заключил Есукай Багатур.

– Как же так! – в моем детском сознании не укладывались все эти противоречивые факты. – Унгираты – тоже ведь татары, и наша мама из этого племени! Зачем мы тогда к ним едем?

– Таков наш древний обычай, сынок, – успокоил меня отец.

Но моя горячая кровь никак не хотела успокаиваться. Меня распирала внутренняя ярость, перешедшая ко мне от Есукай Багатура.

– Я вырежу всех татар! – не удержавшись, я вскочил на ноги и, подумав, добавил: – Кроме унгират.

– Ты правильно мыслишь, Тимерчин, – поддержал мой порыв отец. – Но сначала тебе нужно подрасти и освоить все азы военного искусства. Не только солдата, но и полководца. Татар нахрапом не возьмешь, это лучшие воины в Степи. Ты бы видел, как дрался Тимерчин, в честь которого ты получил свое имя.

– А зачем ты меня назвал его именем?

– Для того, чтобы его мощь и сила перешли к тебе. И запомни еще вот что, сынок – продолжал напутствовать меня отец. – Не все татары – злобны и воинственны, некоторые их племена могут быть нашими союзниками. Например, унгираты – мирный и культурный народ. Они даже культурнее нас, кыятов. И потом у них самые красивые девушки во всей Степи. Вот приедем в их стан, сам увидишь, – усмехнулся Есукай Багатур и погрузился в собственные мысли.

Глава 5. Бортэ – Синь Неба

Когда мы уже подъезжали к месту обитания братьев моей матери Айлун, между урочищами Цекцер и Чихургу, нас остановил давний знакомый отца Дэй-Сечен. Он тоже был унгиратского рода и дальним нашим родственником со стороны матери.

– Куда держишь путь, Есукай Багатур? – спросил Дэй-Сечен.

– Я еду к братьям Айлун сватать невесту своему сыну Тимерчину.

– Хорош парень, ничего не скажешь, – осмотрев меня внимательным взором с головы до ног, заключил Дэй-Сечен. – Вырастет – отличным воином станет.

– Не только воином, но и полководцем, если хочешь знать, священники-камы с рожденья предрекли ему великую судьбу, – похвастался отец.

– Тангры велик, Тангры велик! – вознес к небу руки Дэй-Сечен и продолжил: – Твой приезд сюда со своим сыном не случаен, уважаемый Есукай. Приснился мне сегодня ночью сон, как снизошел мне на руку белый сокол, сжимавший в когтях солнце и луну. Как такое может быть? – недоумевал я и никак не мог взять это в толк. Вот сижу теперь тут на краю дороги, пытаюсь разгадать свой сон. Что он предвещает? – думал я. И тут увидел вас и сразу все понял. Это дух вашего

рода «золотого семени» посетил меня.

Унгират, словно дервиш из тюркских стран, запел красивым звонким голосом, отбивая такт хлопками ладоней о свои колени, закрытые серым халатом из тонкой овечьей шерсти:

Мы, унгиратское племя,

С древних времен знамениты

Красою и статностью дев от жен-унгираток.

Мы брани не любим, но дев своих милых

Вашим ханам отдаем в подруги.

– К чему ты клонишь, Дэй Сечен? Говори прямо, мы очень спешим.

– У твоего сына глаза – словно солнечный огонь, а у моей дочери лицо – как в небе ясная луна. Заходи, сват Есукай, ко мне и сам все увидишь.

С этими словами Дэй Сечен ссадил под локоть Есукай Багатура с коня и проводил нас к своей юрте.

Да, наш гостеприимный хозяин был прав – девчонки кра-

сивее, чем Бортэ я раньше не встречал. Ее имя означало – Синь Неба. Она была на год меня старше, мне исполнилось девять, а ей десять лет. В начале нашего общения я даже потерял дар речь. Бортэ же совсем не смущалась, ее большие карие глаза смотрели дерзко и прямо.

– Запомни, Тимучин, это не ты, а я выбрала тебя, – звонко, как ее отец, рассмеялась она и обвила мою шею костяным амулетом на веревке из бычьих жил. – Это мой тебе подарок. Никогда не снимай его, он защитит тебя от всех бед.

Бортэ сказала правду – подаренный ею амулет и ее любовь спасали меня от многих напастей. Но на счет того, кто кого выбрал, можно было поспорить. Не она, а ее отец Дэй Сечен решил нашу судьбу.

Есукай Багатур оказался прав по поводу культурности унгиратов. Хотя юрта моей невесты Бортэ была поменьше нашей, но своим убранством она выглядела намного богаче. Юрта была украшена разными диковинными вещами, предназначение которых я даже не понимал. Тахта была застелена не шерстяным, а ситцевым китайским одеялом. В углу юрты на деревянной узорчатой полочке лежали свернутые в трубочки рукописи книг, написанные уйгурскими буквами. Бортэ умела их разбирать. Я же к своему стыду за всю свою жизнь так и не выучился читать.

Мы переночевали у Дэй Сечена, а на следующее утро Есукай Багатур начал процедуру сватовства. Отец невесты, как это полагается по неписаным правилам, впал в размышле-

ния.

– В чем честь – в том, чтобы отдать свою дочь после долгих сговоров или сразу по первому слову? Но то не женская доля – состарится у родительского порога. Хорошо, я согласен, оставляй своего сына в зятях-женихах.

По обычаю жених должен был год пожить у тестя, чтобы лучше понять и привыкнуть к родичам невесты и к ней самой.

В общем, помолвка состоялась. Мой отец пожаловал свату своего лучшего гнедого коня.

На прощание Есукай Багатур сказал Дэй Сечену:

– Мой мальчик, страсть, как боится собак. Ты уж, дорогой сват, побереги его от них. А в остальном я полностью доверяю сына тебе.

Действительно, после того, как в детстве меня укусил бешеный пес, я стал остерегаться собак.

Отец уехал, а я остался. Но уже через несколько дней был вынужден вернуться в отчий дом. И на то были серьезные причины.

Глава 6. Отравление Есукая Багатура

Если на пути к унгиратам мы благополучно проехали через стойбище татар, то на обратном пути моему отцу Есукаю Багатуру не удалось их миновать. В Цекцерской степи возле костра с кипящим котлом пировали татары. Они были настроены миролюбиво и пригласили отца присоединиться к ним.

Есукай Багатур знал, что их гостеприимство показное, ведь татары наши извечные враги, к тому же девять лет назад он захватил в плен и казнил их вождя Тимерчина, именем которого я был назван.

По закону Степи гостя нельзя убивать, и отец принял приглашение. Во время угощения в молочную водку незаметно подмешали яд. Это сделал сын того самого Тимерчина, 13-летний Жама. Не знаю, правда ли это, однако поговаривали, что татар надоумили меркиты, именно их лазутчики сообщили о времени и пути возвращения моего отца в свой улус. Меркиты тоже, как и татары, жаждали мести Есукаю Багатуру за похищение им невесты Чиледу. Но хотели сделать это чужими руками.

Сначала отец ничего не почувствовал, а в дороге, когда ему стало плохо, он догадался об отравлении. Ехать было

еще трое суток. Еле-еле добравшись до дома, Есукай Багатур и вовсе занемог, и больше уже не вставал с постели.

Китайские летописцы придумали ложную легенду о том, что Есукай Багатур перед смертью завещал своему сыну Тимерчину отомстить татарам за его отравление, «убей всех татар, кто выше колеса телеги», якобы сказал он.

На самом деле, когда умирал мой отец, я находился у тещи моей невесты Бортэ в нескольких днях пути от родного юрта. Рядом с Есукай Багатуром был тогда его друг Менглик, который впоследствии сыграет очень большую роль в моей жизни и жизни моей овдовевшей матери Айлун.

Вот какие слова произнес отец перед тем, как его забрало к себе Вечное Небо:

– Друг мой, Менглик! Дурно мне, я умираю. Извели меня тайно татары, когда я заехал к ним по дороге, устроив в зятя своего старшего сына Тимерчина. Дурно мне, очень дурно, сейчас я умру. Прими же ты под свое попечение всех моих домочадцев: и малюток и покидаемых младших братьев, и вдову, и невестку. И привези поскорей Тимерчина!

Не дождавшись моего возвращения, Есукай Багатур скончался.

Об этом мне рассказал сам Менглик, ставший вскоре моим отчимом. Когда отец умер, ему было всего 37 лет.

Глава 7. Могоул и Татар

– кровные братья

– Я убью этого негодяя Жаму! – кричал я в бешенстве после похорон Есукай Багатура.

– Ты это о ком? – спокойным голосом спросил дедушка Бюртан, стараясь погасить мой гнев.

– О подлом сыне вождя татар, который отравил моего отца.

– Успокойся, внучок! Пока ты не сможешь этого сделать, ты еще слишком мал. Тебе только 9 лет, а Жаме уже 13.

– Я уничтожу всех татар и меркитов! – ярость клокотала у меня в груди, как шумный водопад с горы Бурхан, возле которого мы сидели с дедушкой, уединившись от остальных родичей, оплакивающих безвременную кончину вождя племени кыятов.

– Намерения твои похвальны, – продолжал увещевать меня дед Бюртан. – Но сначала тебе нужно подрасти и поднабраться опыта и силенок.

В Степи буйно цвела дикая ковыль, раздавалось возбужденное жужжание комаров, бабочек, ос и прочих насекомых. Наступали знойные дни. Лето года Свиньи (все важные события в моей жизни случались именно в этот год) обещало выдаться жарким и засушливым. Но здесь, возле воды, было

тихо и прохладно.

Дед Бюртан чертил веткой на земле какие-то знаки, я бездумно бросал в водопад круглые черные камешки, которыми мы с ребятами обычно играли в стратегическую игру Тугыз Кумаляк – Девять Камешков.

– Победить татар – дело похвальное, – продолжил дедушка свою мысль, нарушив молчание. – Тот, кто сможет это сделать – будет великим воином, но тот, кто сможет объединить могол и татар станет великим мудрецом.

– А зачем их объединять? – поднял я на деда свои еще не совсем успевшие остыть от внезапно нахлынувшего гнева красные глаза. – Татар надо давить, как крыс.

– Ты хочешь уничтожить самого себя? – задал дедушка Бюртан непонятный вопрос.

– Как это! – не понял я.

– Скажи мне, Тимерчин, тебе понравилась твоя невеста Бортэ? Из какого она племени?

– Очень понравилась. Она унгиратка.

– А твоя мать Айлун из какого племени?

– Она тоже унгиратка.

– А кто такие унгираты?

– Татары, – раздумчиво произнес я.

– Правильно, китайцы называют их еще «черными татарами». А теперь, внучок, подумай и скажи: а кто ты есть сам?

Этот вопрос застал меня врасплох. Я не хотел на него отвечать, но вынужден был признать:

– Получается, что я наполовину татар, – в растерянности произнес я.

– Соображаешь, – похвалил дед и хитро прищурился. – Но не наполовину, не наполовину.

– А насколько? – опять не понял я.

– Ты слышал эту песенку? – спросил дедушка Бюртан и, возвысив, голос, торжественно продекламировал:

Мы, унгиратское племя,

С древних времен знамениты

Красою и статностью дев от жен-унгираток.

Мы брани не любим, но дев своих милых

Вашим ханам отдаем в подруги.

– Да, слышал, – подтвердил я, – ее мой тесть Дэй-Сучен пел.

– Очень хорошо. Мы, кыяты, всегда выбирали себя жен из унгираток. И твоя бабушка, моя жена, пусть Небо позаботится о ее душе, и прабабушка и еще много колен наших праматерей – все они были из породы татар. А вот теперь, Тимерчин, подумай и скажи мне, сколько в тебе могульской крови, а сколько татарской?

Эти слова повергли меня в настоящий шок! Я стал нервно ощупывать свои руки, ноги, все туловище – «я тоже татар что ли»? Это никак не укладывалось в моих помутненных мозгах.

Видя мое смущение, дед Бюртан погладил меня по голове и, заговорщически подмигнув, сказал:

– А сейчас, внучок, я расскажу тебе историю о происхождении наших родов. Будь очень внимателен, не перебивай, дослушай до конца – и ты все сам поймешь, ты ведь у нас умный мальчик.

И Бюрган начал свой рассказ:

– Татар и Могул – это имена двух родных братьев, у которых был один прародитель Аланча-хан из аймака Тюрков. Правильно имя Могула звучит, как «Мунг», что означает «Печальный». Да, он с рождения был таким грустным. Но со временем это имя «Мунг» исказили и стали произносить, как «Могул». Вот от этих двух братьев – Хана Татара и хана Мунга (Могула) – и пошли аймаки могул и татар.

– Так, мы с ними родственники! – не выдержал и вскричал я.

– Да, внучок, причем, очень близкие, мы одной кости, одной крови. Но так иногда бывает, что родные братья становятся лютыми врагами, а чужие люди близкими друзьями. Но ты не перебивай и слушай дальше внимательно.

– Хорошо, бабушка, я больше не буду.

– Так вот, сначала два брата Могул-хан и Татар-хан жили дружно, каждый мирно правил своим отдельным улусом. Мир царил и при их потомках – Яланчы, Атлы, Атсыз и Урда ханах. И не было в Степи такой силы, какая могла бы противостоять могуло-татарам. Но в один нехороший день безумный Байду-хан из аймака татар начал братоубийственную войну. Но в том вина лежит и на его отце Урду. Хан лю-

бил вино и женщин, наряжался в китайскую одежду и совсем не занимался воспитанием сына. Вот сыночек Байду и вырос таким безрассудным и развязал между татарами и могулами кровавую вражду, которая длится по сию пору. Татар было больше, они были сильнее, одно время даже всех степняков называли «татарами». Наши предки кыяты бежали и прятались от них в неприступных горах Аркан Куна.

Наследник Байду-хана Сюенеч пытался остановить кровавую бойню, но пожар ненависти разгорелся к тому времени так сильно, что его трудно было потушить. Один из сыновей Сюеныч-хана по имени Кышылу не захотел участвовать в этой бесконечной войне и откочевал со своими людьми далеко на запад к большой реке Итиль, где построил город Булгар и основал там свой отдельный юрт. Этот улус и сейчас, говорят, процветает, но с ним у нас уже нет никакой связи. Хотя их аймак нам очень близок по крови.

Дед Бюртан замолчал. Я тоже не мог вымолвить ни слова, с трудом переваривая услышанное. Это было откровение. Никто раньше об этом мне не рассказывал. Отец мой Есукай Багатур был храбрым и умелым воином, такие же качества он прививал своим детям. Но он мало интересовался историей наших родов.

– Ты понял, для чего я тебе это рассказал? – задал вопрос дедушка, нарушая молчание.

Я лишь кивнул загруженной новыми мыслями головой.

Дед Бюртан протянул мне прут, которым чертил на земле

разные фигурки:

– На, попробуй, переломи его.

Я поднапрягся, ствол высохшей ветки был достаточно прочным, но все же мне удалось с хрустом разломать ее. А дедушка тем временем срубил охотничьим ножом еще пару по размеру примерно таких же сочных лапок приземистого вяза, привольно растущего на берегах Онона.

– А теперь сложи эти две ветки вместе и попытайся их сломать.

Как я не пыхтел, пуская в ход колени и локти, мне это сделать не удалось.

Дед довольно хмыкнул.

– На тебе, Тимерчин, лежит особая миссия, об этом говорил и кам-священник при твоём рождении, – возвестил многоумудрый Бюртан. – Но нужно правильно понимать, в чем эта миссия. Ты ее понял, Тимерчин?

– Объединить могул и татар? – поднял я на деда свои вопрошающие глаза. – Поэтому ты подсунул мне эти ветки вяза?

– Молодец, внук! – лицо Бюртана озарила светлая улыбка. – Когда Степь едина, ее никто не сможет победить. Кто-то должен положить конец этой тупой и бессмысленной вражде и снова собрать татар и могул под одно крыло. А остальные, более слабые племена сами к нам присоединяться, добровольно.

– Я все понял, дедушка! – в радостном озарении провоз-

гласил я.

– Может, это удастся сделать тебе, мой внук, – с большой надеждой в голосе произнес Бюртан. – Пусть в Степи снова воцарятся мир, дружба и согласие, как это было при нашем прародителе Аланче-хане. Степь устала от крови.

И потом грустно добавил:

– Скоро я умру, но я хочу, чтобы ты накрепко запомнил мои слова. Наша родина и колыбель – это Степь. Сам не преступай ее границы ни на Западе, ни на Востоке, и своим будущим детям и внукам это накажи. И еще раз повторю: наши главные враги – не татары, а Китай, который как раз и хочет нас рассорить. Ты все усвоил, Тимерчин?

– Да, дедушка, я все понял.

Забегая далеко вперед, скажу, что в основном я выполнил дедушкины заветы. Не преступал границ Степи ни на Западе, ни на Востоке. Если я это когда и делал, то лишь для того, чтобы наказать вероломных врагов, которые нарушали наши мирные соглашения, а потом удалялся в свой родной юрт. Разговоры о моих кровожадных завоеваний чужих земель сильно преувеличены. Начали распускать по всему миру такие легенды и слухи сначала китайцы, а потом арабы и персы. Я больше оборонялся и защищался, чем наступал и завоевывал. Дух Вечного Неба Тангры был на моей стороне, и мне всегда удавалось своим многочисленным врагам давать достойный ответ, жесткий и жестокий. В Степи выживает только сильнейший. Вот мои злопыхатели и беснуются

в бессильной злобе.

Что касается татар, то они долго не хотели мириться, были упрямы, дерзки и воинственны. Мне много с ними пришлось повоевать, и много отрубленных голов осталось лежать в Степи, прежде чем установился долгожданный мир. Хотя татарские племена унгират, онгут и айрибур с самого начала были моими верными союзниками.

Татары неистребимы.

В честь нашего прародителя Мунг-хана (Могул-хана) я повелел называть нашу державу "Могул улусом". Но в завоевательных походах первыми всегда шли храбрые татарские воины и полководцы. Завидев их, противник с криком "Татары идут", в страхе убегал прочь. Так нас всех без разбору стали называть татарами, а наш улус – «Татар улусом». Сначала я противился, потом понял, что это бесполезно.

К тому же я всегда помнил слова дедушки Бюртана о том, что все наши вожди брали жен из татарок. Во мне тоже текла татарская кровь. И потом, какая разница, татар или могул, главное, чтобы в Степи сохранялся мир.

Глава 8. Кто убил Бектара?

После смерти отца для нашей семьи наступили тяжелые времена. Поголовья овец резко сократилось, наши подданные с переселением вождя в иной мир перестали платить дань. Они ушли от нас и забрали с собой весь скот. Тайтчиуты во главе с Таргутаем стали править кыятами.

Мы с братьями собирали на склонах горы Бурхан дикие ягоды и орехи, охотились в тайге на белок и удили рыбу в реке Онон. И если бы не помощь Менглика, давнего и верного друга отца, о котором я расскажу позже, нам пришлось бы совсем худо.

У Есукая Багатура от двух жен Сочихел и Айлун осталось шесть мальчиков и одна девочка. От Сочихел – Бектар и Бельгутаи, от Айлун – четыре сына и дочь Темлун.

Мы плохо ладили со своими старшими братьями от первой жены отца. Хачи и Темуг были еще совсем маленькими, от нападков Бектара и Бельгутая приходилось отбиваться нам с Хасаром. Особенно зверствовал Бектар. Он знал, как вывести меня из себя.

– Меркит, ты грязный меркит! – обзывал он меня, намекая на то, что я не родной сын нашего общего отца, а зачат был моей матерью Айлун от ее первого жениха Чиледу.

Такие же обиды пришлось потом переживать моему старшему сыну Джучи. В отместку за то, что Есукай Багатур

умыкнул невесту у Чиледу, спустя много лет меркиты украли мою невесту Бортэ. Лишь через несколько месяцев с помощью анды Джамухи мне удалось ее отбить. Ходили слухи, что когда Бортэ была в плену, она жила в юрте младшего брата меркитского вождя Чильгира, и именно он настоящий отец Джучи. Поэтому Джучи тоже дразнили «меркитом», и он тоже, как и я, наливался гневом и набрасывался на обидчиков с кулаками.

Сын повторял судьбу отца.

Испытав силу моих тумачков, мои сверстники вскоре перестали меня задевать. Но с 17-летним верзилой Бектаром мне было трудно справиться. И все равно каждый раз я, когда он обзывал меня «меркитом», яростно набрасывался на него, как молодой волк на матерого самца. Я догадывался о природе ненависти Бектара ко мне, – ведь не его мать Сохичел, а моя Айлун была и оставалась главной хозяйкой дома даже после смерти отца. Однако это не могло служить оправданием для оскорблений. Признаюсь честно, я хотел убить Бектара и ждал удобного случая, чтобы совершить свой тайный замысел.

Однажды мы сидели на берегу плавно текущих вод нашей кормилицы – реки Онон. Неводом, сплетенным из льна, ловили обычно плотву. Крючья удочек, на которые в качестве наживки насаживалась мелкая ребешка, часто заглатывали прожорливые ленки и хайрюзи. И вдруг на мой крючок попался огромный блестящий сохосун.

– Ого, вот это рыба-а! – восхитился Касар.

– Дай сюда, это мой улов! – нагло заявил Бектар, выхватывая пойманную добычу из моих рук.

На этот раз я не стал с ним связываться, решив пойти мирным путем. Мы с Касаром пришли к нашей матери Айлун и пожаловались на Бектара. Ее реакция была предсказуемой. Айлун хатун придерживалась нейтралитета в наших детских конфликтах, чаще вставала даже на сторону сыновей Сохичел, опасаясь, что ее могут заподозрить в предвзятости. А я никогда не говорил матери, что Бектар обзывает меня «меркитом», зная, что это напоминание об ее сватовстве с Чиледу может причинить ей боль.

Вот и сейчас Айлун хатун тяжело вздохнула и запричитала:

– Ах, что мне с вами делать? Почему так неладно живете вы со своими братьями! Ведь у нас, как говорится, нет друзей, кроме своих теней, и нет хлыста, кроме скотского хвоста. Нам нужно быть дружными, когда к нам в любой момент могут прийти тайтчиуты и отнять наше последнее добро. А вы в это время так же не согласны меж собою, как некогда пятеро сыновей праматери вашей Аланг. Не смейте больше так поступать!

– Но, мама, это же не первый раз Бектар с Бельгутаем на нас нападают, – попытался объясниться Касар. – Однажды они забрали у нас жаворонка, подстреленного стрелой годоли Тимерчином, а теперь вот рыбу отняли! Как же быть с

ними в согласии?

Касар перепутал, у меня не было больше стрелы годоли, свою единственную кипарисовую стрелу я уже давно подарил анде Джамухе. А птицу я подстрелил стрелой йери – подарком анды, она тоже свистела, когда летела. Поэтому мой брат ошибся.

Айлун хатун хотела опять нам что-то выговорить, но я взял за руку своего младшего брата и молча вывел из юрты, дескать, бесполезно ей что-то доказывать.

– У меня есть план получше, братишка, – сказал я Касару и повел его за собой, поправляя лук и колчан со стрелами, которые всегда носил с собой.

– Что за план?

– Мы убьем Бектара, – твердым, не терпящим возражения голосом произнес я и посвятил его в свой план.

В это время Бектар пас лошадей у подножья горы Бурхан, где росла особенно сочная трава. Мы подкрались к нему незаметно, скрываясь за большим серым валуном, на котором он сидел, обглаживая кости сваренного в котле сохосуна.

Я выскочил из укрытия и натянул тетиву лука, целясь ему прямо в лоб. Бектар испуганно вскочил на ноги, обернулся, а там из-за валуна в него целилась другая стрела – стрела Кесара.

Поняв, что мы не шутим, он опустил на колени и жалобно заскулил:

– Не убивайте меня, не убивайте меня! Мы же все-таки

братья.

– Какой я тебе, брат, – насмешливо сказал я, продолжая удерживать тетиву лука в натянутом состоянии. – Я ведь «грязный меркит».

– Извини, брат, я больше никогда не буду тебя так называть, клянусь Небом.

Я не верил ему, и у меня не было ни капли жалости к этому трусливому и заискивающему теперь передо мной ублюдку. Но какая-то непонятно откуда взявшаяся сила вдруг заставила меня ослабить тетиву и опустить лук.

– Давай поступим по-честному, – сказал я Бектару. – Я не могу убить безоружного человека, будем стреляться с 25 шагов.

Ободренный таким неожиданным поворотом дела, Бектар поднялся с колен и позвал к себе перепуганного на смерть Бельгута, прятавшегося за камнями. – Мы завяжем ему глаза, и он укажет, кому из нас выпадет стрелять первым, – предложил Бектар.

Я не возражал.

Первым стрелять выпало моему врагу. Так, наверное, было угодно Тангры, или хитрый Бектар о чем-то успел договориться со своим младшим братом Бельгутаем.

С 25-ти шагов промахнуться трудно. Но у Бектара, видимо, дрожали руки и он промахнулся. Я хладнокровно натянул лук, но... Опять какой-то незримый дух словно отдал мне команду «не убивай его!» Я прицелился и попал в серье-

гу, висящую на правом ухе Бектара, не повредив даже его мочки.

– Всё, поединок окончен! – громко провозгласил я.

– Нет, меркит поганый! – дико взвизгнул Бектар, поднимая свой заряженный лук. – Этого унижения я тебе никогда не прощу.

Но спустить тетиву он не успел, откуда-то сзади просвистела стрела и пронзила спину Бектара. Мой поверженный враг, как подкошенный, рухнул на молодую зеленую траву.

Наступила гнетущая тишина. Только тихо заржали лошади, словно учуяв что-то неладное.

Кто же это стрелял?

Мой брат Касар стоял рядом со мной и попасть в спину никак не мог, к тому же у него не было свистящих стрел. Через несколько мгновений из кустов вылез довольно ухмыляющийся Джамуха. Да, это был мой анда Джамуха, только у него была свистящая стрела годоли, мой подарок, который он сберег для этого особого случая. Практически он спас меня от смерти, не думаю, что Бектар промазал бы и во второй раз.

Мы с Джамухой обнялись и он стал шептать мне на ухо:

– Не переживай за смерть Бектара. Мне доподлинно известно, что твой старший брат был предателем – он через лазутчиков отправлял доносы вождю тайтчиутов Таргутаю обо всем, что происходило в вашем стане.

– Собаке собачья смерть, – ответил я ему.

Тут послышался топот копыт бешеным галопом скачущего всадника. Это был наш дозорный.

– Тайтчиуты, тайтчиуты, к нам приближаются тайтчиуты! – кричал он.

Глава 9. Бегство

Тайтчиуты во главе с Таргутаем ворвались на территорию нашего юрта. Но мы давно ожидали этого нашествия и потому были готовы к обороне. Мы укрылись за завалом из заранее натасканных из леса деревьев и начали отстреливаться из луков. Наши выстрелы не достигали цели, противник держался на безопасном расстоянии.

Таргутай вступил в переговоры, подъехав поближе, он стал громко кричать:

– Выдайте нам Тимерчина! И мы сразу уедем. Больше нам никто не нужен.

Ясно было, почему им нужен был именно я. Ведь после смерти Исукая Багатура и Бектара никто, кроме меня не мог претендовать на место вождя кыятов. Поэтому тайтчиуты хотели меня ликвидировать.

– Убирайтесь прочь! Никого вы не получите, – так же громко ответила Айлун.

– Тимерчин – преступник! – продолжал кричать Таргутай. – Он убил Бектара подлым выстрелом в спину. Его нужно судить. Вот доказательства.

С этими словами он по вертикальной траектории запустил в наше укрытие свистящую стрелу, которая, падая с неба, со звоном вонзилась и затряслась на одном из бревен завала прямо рядом с моим плечом. Да, это была моя окровавлен-

ная стрела годоли, которой анда Джамуха расправился с Бектаром. В спешке мы плохо скрыли следы убийства и тайтчиуты нашли улики. Все знали, что только у меня была такая редкая свистящая стрела из кипариса, доставшаяся мне по наследству от отца. Но никто не знал, что я подарил ее своему анде. Все подозрения падали на меня. Джамуху я, конечно, выдать не мог, взяв вину за убийство брата на себя, о чем сразу предупредил свидетелей – Касара и Бельгутаю.

Моя мать Айлун, увидев окровавленную стрелу, набросилась на нас с Касаром с руганью.

– Вы сгубили своего брата, как дикие псы! Не даром этот душегубец, – указуя на меня перстом, со злобой проговорила она, – появился на свет из моей утробы, сжимая в руке своей комок запекшейся крови!

Оправдываться было некогда. Враги наседали, их было больше, они были сильны, и рано или поздно все равно прорвали бы нашу слабенькую оборону. Мы решили бежать.

Бельгутаю с Касаром отстреливались, прикрывая отход матерей с детьми и остальных домочадцев в тайгу. Я оседлал своего мерина и поскакал в сторону вершины Тергун, где в заросшем густом лесном ущелье у меня был тайный лаз. Тайтчиуты погнались за мной, но не догнали. Гадая, куда я мог скрыться, они окружили вершину и стали ждать, когда я сам к ним выйду. Без еды и питья я не мог там долго отсиживаться.

Трое суток пролетели быстро и незаметно, я решился вы-

ходить.

Вдруг случилась неожиданная задержка: с лошади сползло седло. Осмотрев коня, я увидел, что седло сползло при туго подтянутых подпруги и нагруднике. Я стал раздумывать: «Подпруга, ладно, всякое может быть, могла и слететь, но как могла сползти подгрудная шлея? Не иначе, как само Небо меня удерживает». И я вернулся назад и провел в своем укрытии еще трое суток. Больше выдержать не мог.

Но когда спустился вниз, увидел, что белый валун-кремень, большой, величиной с походную юрту полностью загоразивал выход из ущелья, оставляя лишь маленькую щель, куда даже с моим низкорослым конем никак не протиснуться. Лошади было легче, чем мне, которая в отличие от меня могла питаться подножным кормом. «Не ясно ли, – сказал я самому себе, – что Небо снова меня удерживает здесь».

Еще девять дней я продержался без всякой пищи, совсем ослаб и подумал: «Ужели довести себя до бесславной смерти? Выйду теперь!» И принялся своим ножом для очинки стрел долго и упорно срезать деревья, которые не давали прохода, окружая тот белый валун, величиной с юрту, что свалился с вершины холма Тергун и заслонил проход. Я еле-еле провел через него свою спотыкавшуюся лошадь, она тоже ослабла, стал выходить на прогалину. И тут меня схватили тайтчиуты, надели на шею тяжелую деревянную колодку кангу и увезли в ставку Таргутая.

Глава 10. В плену с колодкой на шее

В плену у тайтчиутов закончилось мое детство. Согнувшись в три погибели под тяжелой колодкой на шее, я перебирался из юрты в юрту, где мне предоставляли скудное пропитание и ночлег.

Почему Таргутай меня не убивал? Не знаю. Может быть, он находил какое-то извращенное наслаждение, наблюдая за унижением не состоявшегося вождя знатной «семьи золотого семени», как нас называли в Степи. Я был на грани отчаяния. Но даже рук не мог на себя наложить, потому что они были скованы этой лишавшей меня подвижности деревянной колодкой – кангой. И все же я старался не сдаваться и вынашивал план побега, ожидая подходящего случая.

И вскоре он представился.

В лагере тайтчиутов шел пир горой – это дикое племя любило устраивать праздники по всякому поводу и без. 16-го числа первого летнего месяца они отмечали День Полнолуния. Весь народ – и стар, и млад – высыпался, как горох из дырявой корзины, на крутой берег Онона. Жгли костры, шаманы били в бубны, все пили молочную водку, пели, танцевали и угомонились лишь, когда последние лучи красного солнечного шара коснулись их опустевших войлочных юрт.

Позже я узнал, что после Дня Полнолуния меня должны были казнить.

В тот день охранником ко мне приставили одного щедрого тайтчиута. Он не захотел оставаться в стороне от веселья и привел меня, не снимая колодки с шеи, на праздничный майдан. Охранник пил кумыс и громко хохотал. Дождавшись, когда весь народ разошелся, я нанес ему своей тяжелой колодкой, как мне казалось, смертельный удар по обритуму затылку. И со всех ног бросился бежать в сторону Ононской рощи.

Но парень скоро ожил и забил тревогу:

– Колодник сбежал!

Далеко мне уйти не удалось, я спрятался за густыми кустами, спустившись к воде. Я лег лицом вверх в тихую заводь, держа кангу перед собой – тяжелая деревянная колодка не давала мне утонуть.

Пьяные тайтчиуты бросились обыскивать рощу. Полная луна неистово светила, указуя им путь, было светло, как днем. Я лежал не жив, не мертв. К заводу приближался один из конников. Я узнал его, это был не тайтчиут, а Сорган-Шира из рода сулдус, подчиненного тайтчиутам. Позавчера я ночевал в его юрте. Свесившись с крупа лошади, Шира раздвинул куст колючего шиповника и увидел меня.

– Ну и дела! – шепотом вымолвил он, чтобы его никто не услышал. – Ладно, лежи тихо, я тебя не выдам.

Видно, само Небо охраняло меня.

А тайтчиуты тем временем подъехали к Шире и стали держать совет, где дальше искать беглеца.

– Давайте еще раз обобщем хорошенько каждый свой участок, – предложил Шира.

Когда все разъехались, он снова заговорил со мной:

– Тайтчиуты точат на тебя свои зубки. Лежи себе, не робей!

Поиски опять ни к чему не привели, преследователи вновь стали совещаться. И снова Сорган-Шира начал советовать:

– Братцы тайтчиутцы! Вряд ли ночью мы его найдем. Будем возвращаться, а утром начнем новые поиски. Куда может уйти человек с колодкой на шее! А напоследок на обратном пути каждый еще раз внимательно осмотрит свой участок.

Сорган-Шира был постарше других и, видимо, пользовался авторитетом, его послушались.

– Дождись, когда все разойдется, – обратился он ко мне, – и беги к родному юрту. Утром поиски возобновятся. Если же тебя поймают, смотри не проговорись, что я тебя видел.

С этими словами он стегнул лошадь камчой и ускакал прочь.

Почему Шира не выдал меня? Из-за благородства души и уважения к «золотой семье»? Не думаю. Тайтчиуты подчинили себе многих соседей, к которым относились с презрением. На открытый бунт те не решались, но подгадить ис-

подтишка могли.

Выждав пока все стихло, я вылез из заводи и побрел вниз по течению Онона. Мой улус находился в противоположной стороне, но с тяжелой колодкой на шее мне было до него не добраться, и я решил искать пристанища в юрте Сорган-Шире. Помог мне один раз, поможет и во второй, надеялся я.

Юрта Сорган-Шира была приметная: там всю ночь до самого рассвета пахтали кумыс. Идя на стук мутовки, я добрался до цели.

Но ее хозяин на этот раз не был ко мне благосклонен:

– Разве я не велел тебе убираться восвояси? – вскричал он, завидев меня на пороге юрты. – Чего ты пришел?

Не знаю, чем бы это закончилось, если бы оба его сына, Чимбай и Чилаун, не защитили меня:

– Когда хищник загоняет малую пташку в чашу, то ведь и чаша сама ее спасает. Отец, как же ты можешь говорить подобные слова человеку, который обратился к нам за помощью?

За меня вступилась и их младшая сестра Хадан, худенькая девчушка с растрепанными рыжими волосами.

– Папа, папочка, – кинулась она на шею своему отцу. – Не прогоняй его, прошу тебя.

Шира послушался своих детей и милостиво разрешил мне остаться. Чимбай и Чилаун сбили с моей шеи колодку и тут же сожгли ее в огне.

– Но у меня условие, – оставил за собой последнее слово

отец семейства. – Ночевать будешь не в юрте, а на улице в повозке, спрятавшись под овечью шерстью.

Меня поручили заботам Хадан, строго настрого наказав ей не проговориться о присутствии Тимерчина в стане Сорган-Ширы ни одной живой душе.

Глава 11. Мечты под овечьей шерстью

Юрта Сорган-Шира находилась на перекрестке всех дорог. Мимо нее все время проезжали люди, на повозках и верхом на лошадях, или просто проходили пешком. Всюду продолжали рыскать ищейки Таргутая. Большую часть дня мне приходилось проводить, прячась в вонючей овечьей шерсти на телеге позади юрты. Жара стояла невероятная, пот лил с меня градом, одежда вся промокла и взбухла.

Хадан, рыжеволосая дочка хозяина, более чем добросовестно исполняла возложенные на нее обязанности. Она ухаживала за мной, как за своим грудным ребенком, предвосхищая любое мое желание. Меняла намокшую одежду, приносила еду – в основном мясо, сушенное и вяленое, творог. Но больше всего мучила жажда. Хадан притащила целое ведро питьевой воды и поставила в тень под колесо телеги. Но там она все равно быстро нагревалась, и девочка поила меня из большой железной кружки, для чего ей приходилось все время бегать в юрту за охлажденной водой.

Лишь ночью наступало небольшое облегчение. Иногда Хадан тоже зарывалась в овечью шкуру и ложилась рядом со мной, чтобы мне не было так скучно. Мы, приоткрыв сверху немного прохода, чтобы впустить свежей прохлады, молча

смотрели на звезды. В это время года они были крупными и яркими, их дальний свет успокаивал. «Вечное Небо не бросит меня в беде, – мечтал я. – Все будет хорошо. Я вырвусь из этого плена, отыщу в Степи свою родню и отомщу всем своим врагам».

Иногда наши ладони и оголенные стопы соприкасались. Я хотел взять ее потную ладошку в свою, но не решался. Эта близость с Хадан радовала и приятно волновала. Никогда в своей жизни я еще так долго и так близко не находился рядом с существом женского пола. Повернув голову в сторону добровольной мученицы, я увидел, как дрожали ее набухшие соски под прозрачным покровом тонкого мокрого платья. Мне недавно исполнилось 15, Хадан – 13, но она уже была вполне сформировавшаяся девушка со всеми положенными ей выпуклостями. В Степи девочки созревают быстро.

Вдруг, нащупав на груди костяной амулет – подарок Бортэ, я вспомнил о ней, о своей невесте и стал сравнивать ее с Хадан. Но я давно уже не видел Бортэ, – с момента смерти моего отца, а с тех пор минуло 6 лет. В памяти сохранился лишь смутный, но красивый и яркий образ. Бортэ уже 16, она, наверное, превратилась в цветущую красавицу, и по красоте наверняка превосходит Хадан. А по доброте? Смогла бы она заботиться обо мне так, как заботится Хадан? И что важнее в женщине: красота или доброта?..

Под эти туманные грезы я задремал.

Разбудил нас стук лошадиных копыт, собачий лай и гром-

кие голоса непрощенных ночных гостей. Шел третий день моего бегства из плена, однако поиски тайтчиутов не прекращались. Таргутай приказал обыскать все близлежащие юрты. Даже благонадежный Сорган-Шира попал под подозрение.

Внутри юрты пришельцы, естественно, никого не нашли и, обходя ее, натолкнулись на телегу с овечьей шерстью. Один из тайтчиутов стал протыкать острой пикой наше шерстяное одеяло, под которое мы с Хадан успели поглубже зарыться. Потные от духоты и страха, мы тесно прижались друг к другу, в ужасе ожидая, чем закончится эта экзекуция. Острие пики втыкалось в грубое волокно прямо возле наших голов, но Небо спасало нас от прямого попадания. Ищейки не унимались, они стали скидывать шерсть с телеги на землю, добираясь до самого дна.

– Вы что, совсем уже спятили! – раздался насмешливый голос отца Хадан. – Ну кто в такую жару может усидеть под этой кипой шерсти?

Видимо, насмешка возымела действие, тайтчиуты спрыгнули с телеги. Так Шира спас меня во второй раз. Ну и свою дочь, разумеется, тоже. Хотя, может быть, он и не знал, что она прячется под шерстью вместе со мной.

Когда обыск окончился и тайтчиуты растворились в ночной мгле, Сорган-Шира сказал мне:

– Опять я из-за тебя, Тимерчин, чуть было не попал в беду. Ступай-ка теперь от нас и разыскивай свою мать и братьев!

На прощание он подарил мне рыжую яловую кобылу с белой мордой, сварил двухгодовалого барана, снабдил бурдюком кумыса и бочонком молочной водки. Но седла и огнива не дал. Дал только лук да пару стрел.

Я же был безмерно ему благодарен, о чем громогласно заявил:

– Придет время, я возьму тебе сторицей за все то добро, которое ты для меня совершил, уважаемый Сорган-Шира. Да хранит тебя и твою семью Вечное Небо!

– А на тебе, – весело подмигнул я Хадан, которая придерживала яловую кобылу, когда я на нее запрыгивал. – А на тебе, Хадан, я женюсь. Вот увидишь. Это не шутка.

Я присвистнул, пришпорил лошадь и ускакал в Степь на поиски своих родичей. Нашел я их довольно быстро, ориентируясь на следы, оставленные на примятой траве. Они привели меня к речке Кимурха, впадающей в Онон с запада. Идя далее тем же следом, я отыскивал своих близких в урочище Хорчухуй-болдак, у Кимурхинского мыса Бедер.

Глава 12. Аркан Кун

Необходимое пояснение к заключительной 12-й главе 1 части книги «Чингиз-хан 02. Искупление».

Это моя литературная адаптация отрывка перевода с французского языка рукописи Абул Гази «Родословная татар» (оригинал не найден), сделанного В.К.Тредиаковским и опубликованным в Санкт-Петербурге в 1768 году при Императорской академии наук.

Полностью моя обработка приводится в книге «Потомок Чингиз-хана: Родословная татар / Абул Гази», Издательские решения, 2023 г.»

Некоторые отрывки из этой книги будут приводятся и впредь.

У Иль-хана было много детей, но все они погибли в той памятной битве. Остались живы лишь меньший сын именем Кыян и племянник Нюгуз, угодившие в полон к Татарам. Через 10 дней им, с помощью Всевышнего, удалось бежать вместе со своими молодыми женами – оба лишь недавно женились.

Они прискакали на лошадях в свой родной юрт и нашли

четвертую часть своего скота целой и невредимой. Оставаться здесь было опасно, они решили спрятаться в горах.

Беглецы поднимались с одного горного утеса на другой, пока вместе со своими женами и скотом не оказались у подножия очень высокой горы. Они поднимались вверх по тропке, протоптанной дикими горными баранами, которых на могульском языке называли «архара». Эта тропка была так узка, что по ней вряд ли можно было пройти на коне или верблюде, при одном неосторожном шаге животные сорвались бы вместе с людьми в пропасть и разбились.

С трудом осилив высокий перевал и оглядевшись вокруг, путники нашли за ним большую долину со многими ручьями, плодовыми деревьями и тучными травами. Это райское место было окружено со всех сторон неприступными горами, на вершинах которых никогда не таял снег, и тут беглецов вряд ли могла настичь неприятельская погоня.

Поселившись в этой чудесной земле, они вознесли молитвы благодарения Богу Тангры. Зимой они питались мясом стад своих, а летом были сыты молоком и плодами; из кожи животных шили себе одежду. И назвали они сие чудное место Аркан Кун. Аркан – долина, Кун – высота.

Со временем их потомство, особенно у Кыяна, сильно умножилось, и он назвал своих потомков Кыят. Ньюгузов же род имел два названия – Ньюгуз и Дурлигин.

Имя Кыян означает стремительный, быстрый, как поток, с силою стремящийся с вершины горы вниз. Именно таким

и был сын Иль-хана – Кыян, сильным и быстрым. А «Кыят» есть множественное число слова «Кыян».

Оба рода – Кыяна и Ньюгуза – со временем весьма расширились и превратились в отдельные аймаки, носящие имя своего родоначальника; если Бог позволит, мы ещё расскажем о них.

Слово «аймак» означает «кость», в смысле корень, род. Тюркского народа люди, встретив незнакомого человека, спрашивают: «аймак ким» – «какого ты рода»?

Оба аймака дружно и мирно прожили в высокогорной долине Аркан Кун более 400-х лет. Но когда стада их размножились, и им тут стало тесно, они задумали вернуться в родные земли, откуда их, Могул, потомков Иль-хана, согнал когда-то предводитель Татар – Сюенеч-хан.

Они собрали большой курултай и советовались меж собою. Они говорили: от отцов мы слышали, что внизу, у подножия гор, есть обширные земли и хорошие сельбища, которые прежде принадлежали нашему юрту. Но татары, объединившись с другими племенами и истребив наши роды, завладели нашим юртом. Слава Тангры, мы теперь не таковы, чтобы бояться врагов, прячась от них в горах. Нужно найти способ, как спуститься с гор в свой прежний юрт и сразиться там с татарами и их союзниками.

Все Кыяты и Ньюгузы посчитали эти слова разумными и стали искать выхода из горной долины Аркан Кун, но никак не могли его найти.

Но тут нашелся один кузнец, который добывал на одном из склонов горной гряды железную руду. Нужно ее растопить, сказал он, и тогда нам откроется путь. Люди пошли на указанное место, осмотрели его и согласились с дельным мнением кузнеца.

Потом они натаскали дрова и угли, обложили ими эту гору. Из кожи сделали 70 мехов и стали в них дуть. Когда силою Божьей огонь возгорелся, «железная» гора расплавилась и растеклась – открылась дорога, по которой мог пройти навьюченный верблюд.

Несколько дней и ночей они выбирались из горной долины Аркан Кун. С этого времени у могулов вошло в обычай почитать и праздновать день своего исхода. Кусок железа кладется в огонь, потом хан клещами вытаскивает его на наковальню и ударяет по железу большим молотом. Затем то же самое делают его беки. Таким образом могулы отмечают свой исход из долины Аркан Кун и возвращение в отцовский юрт.

Могулы имели в то время правителем хана по имени Бертечен из аймака Кыят, рода Курлас, который после трудного горного перехода, ни мало не медля, отправил своих послов ко всем соседним народам. Послы объявили, что хан Бертечен, вышедший из долины Аркан Кун, принимает под свою защиту все племена, которые в старые времена находились под властью могулов. А тех, кто откажется им покоряться, будут истреблять мечом и огнем. Многие племена покори-

лись.

Это вызвало злость народа татар. Старая вражда между татарами и могулами вспыхнула с новой силою.

Победителями на сей раз вышли могулы. Они отомстили кровью за кровь, уничтожили татар, вернули себе все прежние земли и богатства, и вновь обосновались в отцовском юрте. Но тех из татар, кто им подчинился, они не тронули. Некоторые татары стали называть себя могулами, но помнили, из какого рода они вышли.

Так, Могуло-Татары начали господствовать над всеми окружающими землями и племенами.

Из Примечания книги «Потомок Чингиз-хана: Родословная татар / Абул Гази»

Кстати, если верить «Родословной Татар», а не китайским и персидским сказкам, то именно Татары в союзе с Киргизами когда-то в глубокой древности вырезали всех Могул, а не наоборот. Как пишет Абул Гази, «Могулы были стерты с лица земли». Сбежать тогда из плена и скрыться в неприступных горах Аркан Куна удалось лишь небольшой группе во главе с предводителем Кыяном. Более 400 лет потребовалось Могулам, чтобы набраться сил и, вернувшись в родные места, отомстить Татарам и завоевать их земли и земли соседних племен.

Между прочим, если бы эта линия Могул осталась в горах,

то не было бы никакой империи Чингиз-хана и самого «Повелителя Вселенной». А Кыяты (потомки Кыяна) могли пополнить ряды уникальной цивилизации, которую американский антрополог Джеймс Скотт и некоторые другие исследователи, называют «Зомия», чьи обитатели никогда не знали ни государственного устройства, ни рабского труда, ни жесткой воинской повинности, ни обременительных налогов, ни прочих «плодов цивилизации». Возможно, этот вариант развития был наиболее предпочтителен не только для Могул и Татар, но и для всего человечества.

История пошла по другому пути. Через 21 поколение после Кыяна победоносное завоевание «всего и вся» завершил его потомок – кыят Чингиз-хан, которого называли еще «Властителем Вселенной». Но следует отметить, что ни о каком поголовном истреблении Татар речи не шло, напротив, немалое число Татар влилось в ряды Могульских туменов, занимая в родовой иерархии Чингиз-хана самое высокое положение.

А в Итиле и на Каме произошла встреча двух исторических ветвей Татар: тех, кто в давние времена пришел сюда с Татарским Ханом Кышылу и тех, кто пришел сюда спустя многие столетия вместе с Могульским Ханом Бату.

Часть II

Глава 13. Свадьба

Я не видел Бортэ уже очень много лет, с тех пор, как 9-летним мальчиком ездил вместе со своим отцом к унгиратам искать невесту. Когда Есукай Багатур был жив и мы были еще в силе, породниться с «золотой семьей» считалось делом почетным. Но как сейчас отец Бортэ Дэй-Сечен посмотрит на ту давнюю помолвку, когда тайтчиуты во главе с коварным Таргутаем увели почти всех наших подданных. Согласится ли он отдать за меня свою красавицу дочь?

Вместе со сводным братом Бельгутаем, который в отличие от его убитого Джамухой старшего брата Бектара, оказался верным товарищем, мы отправились вниз по Керулену на розыск кочевья Дэй-Сечена. Дети Степи долго на одном месте не сидят, они все время перебираются с одного стойбища на другое. А тут столько зим и лет минуло! Однако мы нашли их там же, между урочищами Чекчер и Чихурху.

Завидев меня, Дэй-Сечен очень обрадовался и сказал:

–Наконец-то я снова увидел тебя, Тимерчин! Как ты повзрослел и возмужал! Я уж совсем было потерял надежду и загоревал, зная, как ненавидят тебя тайтчиуты.

Потом, обручив меня с Бортэ, тесть стал снаряжать про-

воды.

Да, моя первая жена была меня старше. На один год. Бортэ была очень красивой, к 19 годам она расцвела, как яркий степной тюльпан. Ее глаза радостно блестели, все эти долгие годы – целых девять лет – она ждала меня.

– Ты не потерял мой подарок, Тимерчин? – ласково, но с некоторой тревогой в голосе спросила она.

Я сразу сообразил, о каком подарке речь.

– Вот он твой амулет, – распахнул я рубашку. – Он всегда весит у меня на шее, и спас меня от многих бед.

Бортэ засияла счастливой улыбкой, как раз такого ответа она и ждала от меня.

– Нас само Небо соединило вместе, теперь мы никогда не расстанемся.

Бортэ стала мне хорошей и верной женой. Хотя у меня потом было еще много жен и наложниц, но самой главной всегда была Бортэ. Именно с ней я в первую очередь советовался по всем важным вопросам, и не только семейным.

Дэй-Сечен вместе с женой Цотан провожали нас аж до кочевья у реки Керулен. У подмытого водоворотом яра Бурги-ерги Цотан подарила мне доху из черного соболя, это было свадебное подношение свекрови – шидкуль. Эту черную доху я потом по совету Бортэ вместе с братьями Хасаром и Бельгутаем повез хану карайтов Тогрулу.

Бортэ рассудила так:

– Ведь когда-то Тогрул Карайтский побратался, стал ан-

дой с твоим батюшкой Есукай Багатуром. А тот, кто доводится андой твоему батюшке, он все равно что отец. Такой сильный хан, как вождь караитов, может помочь тебе в войне с татарами и меркитами.

Наша встреча с ханом состоялась в Темному Бору.

– Когда-то вы с родителем моим побратались, – уважительно обратился я к Тогрул хану, – и стало быть стали вместо отца мне. Я вот женился, потому привез тебе свадебный подарок – соболью шубу.

Растроганный Тогрул дал такой ответ:

– В благодарность за черную соболью доху я объединю твой разъединенный улус.

Породнившись с двумя могущественными кланами – унгиратами и караитами – я стал намного сильнее. Под мое крыло стали собираться покинувшие нас прежде семьи. А еще на моей стороне был давний мой друг, анда Джамуха со своими джуиратами.

Однажды, во время кочевки у Бурги-эрги, в истоках Келурена, на рассвете, когда начинает только желтеть воздух, поднялась Хоахчин, служанка в юрте моей матери, она поднялась и прокричала:

– Поскорее вставай, Айлун! Слышен топот конский, земля дрожит. Уж не едут ли опять к нам эти неотвязные тайтчиуты?

Глава 14. Месть меркитов

Но на этот раз не тайтчиуты напали на наш спящий стан, а лесные племена меркитов.

Воспользовавшись моим отсутствием, когда я ездил дарить соболью шубу вождю карайтов Тогрулу, они похитили мою жену Бортэ, ее старую служанку Хоахчин и мачеху Сочихэл. То была месть за то, что почти 20 лет назад мой отец Есукай Багатур умыкнул невесту меркита Чиледу, то есть мою мать Айлун. Таков Закон Степи.

Эта страшная весть застала меня на пол-дороге до дома. Как рассказали знающие люди, за нашими передвижениями в Степи следили татарские лазутчики. Они якобы и надумили меркитов украсть Бортэ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.